

УДК 9(С18)

Доносы на декабристов, как средство решения конфликтов в администрации Восточной Сибири

Т. А. Перцева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена взаимоотношениям декабристов и высших чиновников администрации Восточной Сибири.

Ключевые слова: декабристы, местная администрация, чиновники, конфликты, доносы.

В стремлении не допустить повторения «событий 14 декабря» Николай I совершенно правильно определил для себя и своих подчиненных задачу знать о происходящем в обществе, если не все, то, как можно больше. Информация о реальном положении в стране, действительных нуждах и чаяниях различных категорий населения, безусловно, необходима для определения приоритетных задач и выбора нужных для их решения средств. Таким образом, то, что правительство нового императора хотело иметь учреждение, способное собрать такие сведения, систематизировать их, а в идеале и провести, хотя бы первичный анализ, представляется понятным и вполне уместным. Все дело в методах. Однако уже при создании III Отделения, на которое и предполагалось возложить функции наблюдения за процессами, происходящими в русском обществе, во главу угла был поставлен не анализ причин возможного недовольства, а беспощадная борьба с любыми его проявлениями. Один из заместителей шефа жандармов М. Я. Фок сформулировал это в столь любезной для Николая Павловича военной терминологии: «Общественное мнение для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны» [3, с. 141]. Если видеть в обществе изначального врага власти, вполне уместно использовать для борьбы с ним любые методы, в том числе шпионаж и провокации. То, что в николаевское царствование эти методы применялись достаточно широко, общеизвестно.

Сибирь, хотя и была достаточно далеко от Европейской России, тоже испытала на себе влияние новых веяний. Большинство из приехавших в отдаленный край «на ловлю счастья и чинов» переносили сюда и нравы, утвердившиеся в Петербурге. Присутствие здесь официально осужденных и заклеянных «врагов отечества» – «государственных преступников» создавало достаточно благоприятные возможности для более быстрой и блестящей карьеры, сочетая при этом личную выгоду с государственными интересами. Кроме того, декабристы воспринимались некоторыми чиновниками как своеобразное средство при решении своих внутричиновничьих отношений: дос-

таточно было доноса об участии в судьбе кого-либо из поселенцев, и высшее начальство начинало относиться к такому чиновнику с подозрением, требовало объяснений, а порой и накладывало взыскания. Подобных примеров было немало – длительное разбирательство с Горловым, Здоров, Жульяни по поводу «неуместной случаю» встречи декабристов в августе 1826 г. в Иркутске, запросы начальнику Якутской области Мягкову о послаблениях, сделанных А. Бестужеву, выяснение роли братьев Цейдлеров в деле продажи брички «государственного преступника» Одоевского и т. д.

Большие неприятности могли принести декабристам и маленькие чиновники в местах их поселения. Как правило, малообразованные, усердные, но прямолинейные исполнители, не слишком ценимые начальством, они были обижены на судьбу и компенсировали свою ущемленность, унижая тех, кто оказался в их власти. Появление в их околотках необычных поселенцев – образованных, со связями, а порой и весьма состоятельных, к помощи которых вскоре стало прибегать местное население, грозило разрушить их владычество. Поэтому то, что во многих отношениях стоящие выше их люди оказались, хотя бы в малейшей степени, в зависимости от них, и они могли безнаказанно, прикрываясь полученными инструкциями, требовать от них повиновения, безусловно, тешило их самолюбие, а любое сопротивление вызывало раздражение и желание наказать. Возможно, некоторые из них искренне верили в «злонамеренность» декабристов, а в их «книжных занятиях», в стремлении время от времени собираться вместе видели опасность и, исходя из этого своего понимания, предупреждали вышестоящее начальство о новых «заговорах и кознях» не раскаявшихся преступников.

Способствовала атмосфере подозрительности и доносительства сама система надзора за декабристами, созданная Николаем I, до конца жизни убежденного в неискренности своих «друзей 14-го декабря». Главные обязанности по надзору были возложены на генерал-губернаторов сибирских регионов. Подчиняясь III Отделению по вопросам политической ссылки, они следили за ходом доставки декабристов к местам поселения и условиями их водворения; ведали решением вопросов о выдаче ежегодного казенного пособия неимущим и расходовании средств теми, кому помогали родственники; докладывали в Петербург о поведении и быте поселенцев, а также вели наблюдение за деятельностью подчиненных им должностных лиц и губернских органов, имевших контакты с «государственными преступниками». К последним относились Главные управления Западной и Восточной Сибири и губернские правления, казенные палаты, гражданские губернаторы, прокуроры, полицмейстеры, исправники и городничие. В самом низу этой пирамиды надзора находились волостные правления, урядники и сельские старосты. Не удовлетворяясь этой сложной структурой, центральные власти время от времени устраивали специальные проверки (например, ревизия жандармского подполковника Маслова в 1828–1829 гг.) или включали этот вопрос в многочисленные функции сенатских ревизий (ревизия И. Н. Толстого в 1844 г.). Подобная система, где все участники знали о взаимной слежке, безусловно,

отрицательно сказывалась как на положении ссыльных, так и на положении надзирающих за ними.

Эта атмосфера, царящая в стране, названной А. И. Герценом «чудовищной империей, в которой всякий полицейский надзиратель – царь, а царь – коронованный полицейский надзиратель», и где нельзя быть уверенным, что «в числе тех, которые с вами толкуют, нет всякий раз какого-нибудь *мерзавца*, который лучше не просит, как через минуту прийти <...> с доносом» [5, т. 3, с. 440; т. 5, с. 134], сама провоцировала появление доносов на декабристов. Они начали поступать едва ли не с их первых шагов по сибирской земле.

Сразу же после отправки декабристов в Нерчинские рудники, 10 октября 1826 г., на имя иркутского коменданта Покровского поступила жалоба рядового инвалидной команды Александровского завода на своего командира поручика Хоткевича. Порученное плац-адъютанту Капланову дознание выявило, что «во все время бытности преступников в заводе не были употребляемы ни в какую работу», а «поручик Хоткевич обще с винокуром Смирновым имели с преступниками большие связи, что не только каждодневно ходили к ним в квартиру, но беспрестанно упражнялись в гуляниях по заводу, езде на дровнях Смирнова». А 17–18 сентября «Смирнов уезжал с преступником Давыдовым <...> надобно полагать, имели свидание с преступниками, находящимися в Николаевском заводе» [4, л. 5об., 10]. Последствием этого доноса был вызов Давыдова из Благодатского рудника в Иркутск, где от него требуют объяснения, с кем и зачем он ездил в Николаевский завод, а также, зачем приезжал к нему в Александровский завод учитель гимназии Жульяни. У всех причастных также берутся подробные объяснения их поступков. Материалы следствия, «касающиеся государственных преступников в винокуренных заводах близ Иркутска», становятся важной составной частью дела о «совершившем противуправные действия» председателе ГУВС Н. П. Горлове. Комендант Покровский, конфликтовавший с ним за влияние в Иркутске, воспользовался этой возможностью для устранения своего соперника, а генерал-губернатор А. С. Лавинский – для того, чтобы отвести от себя обвинения в неисполнении высочайших предписаний. Таким образом, мелкий донос на неугодного командира перерос в почти политическое дело о попустительстве «государственным преступникам» «вторых в губернии лиц», закончившееся отстранением Горлова от должности. Декабристы выступали здесь не объектом доноса, а лишь средством (но очень удобным и действенным) для разрешения конфликта между чиновниками.

Генерал-губернатор Лавинский использовал доносы на недопустимые отношения с «государственными преступниками и для разрешения конфликта с начальником Якутской области. Назначенный на эту должность в начале 1826 г. Н. И. Мягков ревностно принялся искоренять во вверенном ему крае многочисленные злоупотребления и вводить новые порядки на основе «Учреждения для управления сибирских губерний» 1822 г., что привело к конфликту с некоторыми чиновниками старой администрации. В тот момент генерал-губернатор поддержал Мягкова и санкционировал удаление из Якутска наиболее рьяных «ревнителей старины» Тарабукина и Кривошапкина. Появ-

ление в крае «государственных преступников» привело к напряженности между Якутском и Иркутском. Областной начальник, основываясь на предписании военного министра, стал отправлять сведения о поведении декабристов непосредственно в Главный штаб на имя государя. Иркутский гражданский губернатор И. Б. Цейдлер и генерал-губернатор А. С. Лавинский увидели в этом посягательство на сложившуюся систему соподчиненности «будто бы Якутская область составляет совершенно отдельное управление от Иркутской губернии, тогда как область сия <...> во всех отношениях подведомственна иркутскому общему губернскому управлению» [10, с. 47]. Последовавшие за тем вполне естественные из-за отдаленности области и незнания иркутскими и петербургскими чиновниками местных особенностей (первым из иркутских главноуправляющих посетил этот край только С. Б. Броневский) разногласия, как в отношении надзора за декабристами, так и методов управления, заставили Лавинского «в начале 1828 г. усумниться в Мягкове, до такой степени», что он «решился послать в Якутск ревизию» [10, с. 47]. И, если в 1828 г. объяснения якутского начальника в отношении некоторых послаблений «государственным преступникам» были признаны удовлетворительными, то доносы 1832 г. от якутского городничего Слежановского и олекминского почтмейстера Кривошапкина стоили ему места. И здесь, также как и в деле Горлова, декабристы были своеобразным средством для устранения слишком самостоятельного чиновника и сохранения отношений, сложившихся во властных структурах Восточной Сибири.

Поначалу высшие чиновники местной администрации пользовались поступающими на их имя доносами как бы по служебной необходимости. Это позволяло им в какой-то мере «сохранять лицо» и выступать в роли арбитра в споре двух сторон. Однако когда это касалось их собственного положения, этические соображения отступали на второй план. В известном смысле можно считать доносом и обвинение В. Я. Рупертом сенатора И. Н. Толстого, составившего нелюбезный отчет о деятельности восточносибирского генерал-губернатора, в «употреблении государственных преступников для занятий по ревизии». Приводимые им факты о сотрудничестве Тиле с Мухановым при составлении проекта «об улучшении плавания по реке Ангаре» и двухлетней службе в канцелярии Безобразова Веденяпина, который «составлял записки, экстракты и заготавливал исполнительные бумаги» полностью подтвердились. Ни для кого в Иркутске не было секретом и то, что Толстой «держал себя по-приятельски» с бывшим однополчанином, а ныне ссыльно-поселенцем Трубецким. Его же сотрудники «постоянно вращались у Волконских», «гостили по нескольку дней» у Бестужевых в Селенгинске и от декабристов узнавали «все, чего они <...> не могли бы узнать, если б даже они прожили десятки годов» [7, с. 96–97; 1, с. 266; 3, с. 193–194]. И об этом, конечно, тоже стало известно в Петербурге. Впрочем, известно было и то, что сам генерал-губернатор покровительствовал М. К. Юшневской и ее зятю, художнику К. Рейхелю, ходатайствовал за вступление в службу В. Ф. Раевского, разрешал долговременные отлучки из мест поселения Н. А. Бестужеву. Он достаточно хорошо знал иркутских декабристов, все об-

стоятельства их жизни и, безусловно, не верил в какую-то особую злонамеренность тяжело больного Муханова или обремененного семейством малоимущего Веденяпина. Обвинение Толстого и его чиновников в сотрудничестве с «государственными преступниками» было лишь дополнительным штрихом в негативном портрете ревизора. Предпринятый Рупертом контрудар не избавил его от отрешения от должности, но увольнение в отставку произошло «по прошению», а не по решению суда, что, разумеется, было меньшим из зол в этой ситуации. К тому же он сумел поколебать доверие императора к своему обидчику: Толстому и его подчиненным пришлось давать подробные объяснения и выслушать высочайшее неодобрение.

Практику доносов в высших сферах столицы Восточной Сибири продолжил иркутский гражданский губернатор А. В. Пятницкий. Обиженный на нового генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, отнесшегося к «засидевшимся на своих местах» старожилам Иркутска с предубеждением, и уверенный, что «предложение подать в отставку» инициировано именно новым начальником, он «счел своею обязанностью из верноподданнической преданности царю и отечеству послать в Петербург донос, в котором он в самых ярких красках обрисовал предосудительность сближения Муравьева и ближайших к нему чиновникам с декабристами» [6, с. 108; 9, с. 90]. В объяснении Б. В. Струве причин доноса Пятницкого обращает на себя внимание подчеркивание его «верноподданнической преданности». С этим можно было бы согласиться: в воспоминаниях сохранилось немало свидетельств того, что отношение гражданского губернатора к «государственным преступникам» и их женам «стало принимать обидные и оскорбительные формы» [1, с. 266; 2, с. 68]. Однако, судя по письмам А. М. Муравьева к матери, принципиальность Пятницкого имела свои пределы, а суровая официальность проявлялась далеко не ко всем декабристам. И он, и его жена не только «время от времени бывали» в Урике и принимали поселенцев у себя в городе, но даже исполняли некоторые комиссии ссыльных братьев. В январе 1840 г. Александр Михайлович советует Екатерине Федоровне: «Пришлите мне, пожалуйста, почтой 2500 р[ублей] на имя *Любови Александровны Пятницкой*, я ее предупредил, и она мне их передаст» [8, с. 145]. Превышение суммы, разрешенной иметь на руках ссыльным, явно указывает на нарушение утвержденных свыше инструкций.

Более правдоподобной представляется другая причина, также приведенная Струве: Пятницкий надеялся, «вероятно, поправить свое положение в служебном мире» [9, с. 90]. Памятуя о недавних, пусть и не полностью удачных последствиях «предупреждения» Руперта, Пятницкий мог рассчитывать, если и не на одобрение своего рвення, то хотя бы на некоторую снисходительность. Однако данная ситуация была принципиально иной. Назначая молодого, амбициозного и очень деятельного Муравьева на восточную окраину, Николай I возлагал на него большие надежды, и ссориться с нужным и в целом преданным ему сановником из-за некоторых поблажек «друзьям 14-го декабря» (он и сам вынужден был давать их время от времени) особенно в самом начале миссии посчитал неразумным. Именно этим объяснялась отставка Пятницкого, не понявшего, что столь прямолинейные доносы не ко

времени. Это стало своего рода предостережением местной оппозиции и укрепляло авторитет нового генерал-губернатора, в том числе и среди декабристов, увидевших в нем не просто заступника, а проводника в возврате их к общественной жизни.

1. *Белоголовый Н. А.* Воспоминания сибиряка. Из детских лет / Знаменский М. С. Исчезнувшие люди; *Белоголовый Н. А.* Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 266.
2. *Волконский М.* Воспоминания: О декабристах. Разговоры. М., 1994. С. 68.
3. Воспоминания Бестужевых. СПб. : Наука, 2005. С. 193–194.
4. ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 29. К. 3. Л. 5об, 10.
5. *Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России. Собр. соч. В 8 т. Т. 3. М., 1975. – С. 440; Он же. Былое и думы. Там же. Т. 5. С. 134.
3. Красный архив, 1929, т. 37. С. 141.
6. *Линден А. М.* Записки/ В потомках ваше племя оживет: Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986. С. 108.
7. *Матханова Е. И., Матханова Н. П.* Генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт и декабристы //Декабристы: их время и люди. Улан-Удэ, 2001. С. 96–97.
8. *Муравьев А. М.* Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 145.
9. *Струве Б. В.* Декабристы и их семейства / В потомках ваше племя оживет: Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986. С. 90.
10. Цит. по: *Кубалов Б. Г.* Указ. соч. С. 47.

Denunciations on the Decembrists as a Means of Conflicts Resolution in the Administration of Eastern Siberia

T. A. Pertseva

Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns relations between the Decembrists and high-ranking officials of the administration of Eastern Siberia.

Key words: Decembrists, local administration, bureaucracy, conflicts, denunciations.

Перцева Тамара Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, 664003, Иркутск, ул. Чкалова, 2, тел. 8(3952)240533, e-mail: pta_999@mail.ru

Pertseva Tamara Alekseyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Chkalov St., 2, phone 8(3952)240533, e-mail: pta_999@mail.ru